

МИСТЕЦТВОЗНАВСТВО

УДК 7.03;7:001.12

СИБИРЬ В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. СУРИКОВА (1848–1916 ГГ.)

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов (г. Москва)

Творчество Василия Ивановича Сурикова (1848–1916 гг.) занимает одно из самых выдающихся мест в русской живописи. Исторические полотна: «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887), «Взятие снежного городка в Сибири» (1891), «Покорение Сибири Ермаком» (1895), «Переход Суворова через Альпы» (1899), «Степан Разин» (1906), «Посещение царственной женского монастыря» (1912) всколыхнули художественный мир, дали новое представление в осмыслении истории и судеб России [3; 6]. Огромное значение В.И. Сурикова, как исторического живописца, его великую миссию в развитии исторического жанра переоценить невозможно, как и яркую, образную портретную галерею его современников. Наверное, Россия не узнала бы великого исторического живописца В.И. Сурикова, если бы не его сибирское происхождение и идущие отсюда истоки его творчества. Сибирские корни сыграли огромную роль в формировании художественного видения живописца, в воспитании его мировоззрения, психологии, творческой направленности.

Ключевые слова: творчество В.И. Сурикова, Сибирь, рисование с натуры, копирование рисунков, фрески, передвижные выставки, большие исторические полотна, акварельный эскиз, этюды, портреты сибиряков, пейзажи.

Постановка проблемы. В XVIII–XIX веках создано немало впечатляющих произведений на темы русской истории, однако наивысшего расцвета этот жанр достиг в творчестве В.И. Сурикова. Ему, как никому другому, был присущ дар особой пронизательности, «исторического угадывания» [9, 10]. В его картинах, пронизанных редкостным по красоте национальным колоритом, чувствуется такое истинное знание истории и быта, какое не может быть только результатом изучения. Оно коренится в самой биографии художника. Невозможно представить творчество В.И. Сурикова вне его родины – здесь заключаются истоки его исключительной самобытности.

Анализ последних исследований и публикаций. Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства, – писал В.И. Суриков в 1909 году, – она же дала мне дух, и силу, и здоровье» [6, с. 279]. Одного этого признания было бы довольно, чтобы поставить вопрос о значении Сибири для творчества и личности величайшего русского художника исторической живописи.

Но, признание самого В.И. Сурикова подтверждают и его биографы, и исследователи его творчества. «Творческая жизнь В.И. Сурикова протекала в Москве, где им были написаны чуть ли не все картины, – писал искусствовед В.А. Никольский, посвятивший В.И. Сурикову три монографии, – но творческая мысль его всегда обитала за Уралом – в Сибири... В Сибири, на родине... находил В.И. Суриков воплощение творческих своих замыслов» [5, 8]. «Из глубины Сибири он принес первобытную варварскую силу, необыкновенную смелость во всем: в технике своей живописи, в композиции, в упрямой новизне тем», – утверждал другой искусствовед Н.Г. Машковцев [4, 19]. Очерк русского педагога и литературоведа С.Н. Дурылина: «Сибирь в творчестве В.И. Сурикова» (М., 1930) представляет собой первую, предварительную попытку

вспомнить, что дала Сибирь творчеству В.И. Сурикова и в чем отразило это высокое творчество его родину [1]. Цель данной публикации – это показать необъятную любовь художника к величественной природе Сибири, к своему родному Красноярску, взглянуть на многие его широко известные произведения и раскрыть великую роль родины в формировании творчества В.И. Сурикова.

Родился В.И. Суриков в Красноярске в 1848 году. Рос в казачьей станице Бузимово, что была в пятидесяти километрах от Красноярска. «Страна была неведомая, – рассказывал он впоследствии писателю М.А. Волошину, – степь немереная. Ведь в Красноярске никто до железной дороги не знал, что там за горами... А, там – пятьсот верст лесу, до самой китайской границы и медведей полно!» [2, 6]. Вот в этой дикой природе, среди вольных людей с бунтарской душой рос В.И. Суриков, казачок, страстно любивший тайгу, бескрайние степи, по которым он с шести лет умел скакать верхом на большеголовой, мохнатой сибирской лошадке.

«В исторической статье историка Н.Н. Оглоблина: «Красноярский бунт 1695–1698 годов (очерк из истории народных движений в Сибири)» (П., 1901) я нашел, что казаки Петр и Илья Суриковы участвовали в бунте против воеводы, а Петр даже раньше в таких же бунтах. От этого Петра и ведем мы свой род. Они были старожилы красноярские времен царя Алексея Михайловича, и как все казаки того времени, были донцы, зашедшие с Ермаком в Сибирь. Предки мои со стороны матери были казаки – Торгошины, а Торгошин Василий также был в бунте 1695 года. Бабушка моя со стороны отца тоже была казачка Черкасова. Как видите, я – природный казак и качество мое более чем двухсотлетнее», – так писал Василий Иванович о своем происхождении [2, 7]. Дед Василия Ивановича был полковым атаманом,

отец – сотником в станице Бузимово. В подвалах старинного родового дома Суриковых хранились оружие и одежда – мундиры разных времен, шапки, шлемы, сабли, пики, ятаганы. И с детства знал и любил В.И. Суриков все традиции воинственной жизни своих предков-бунтарей.

Мать В.И. Сурикова, Прасковья Федоровна, была из казачьего рода Торгошиных, дом их находился в селе Торгошино на другой стороне Енисея. Жили Торгошины по старинному укладу «неделеной семьей» [2, 7]. Братья держали извоз и ездили за пятьсот верст через тайгу на китайскую границу за чаем для сибирских городов. Двор с конюшнями был мощен бревнами. Дом – с галереями, переходами, резными крыльчками, со слюдяными оконцами. В его горницах жили дядья с женами, и особой, сибирской красотой «как цветы цвели» их двенадцать дочек [2, 8].

Маленький В.И. Суриков любил ездить к бабушке в Торгошино. Там высокими голосами двоюродные сестры пели старинные песни, там рассказывались сибирские легенды и там – от тетки своей Ольги Матвеевны – впервые услышал он историю о раскольнице боярыне Морозовой. Рисовать он начал рано. «Еще помню, – рассказывал он М.А. Волошину, – совсем маленьким был, на стульях сафьяновых рисовал – пачкал. Комнаты были у нас большие, низкие. Мне, маленькому, фигуры казались громадными. Я потому всегда старался или горизонт низко поместить, или фону поменьше сделать, чтобы фигуры больше казались. Главное – я красоту любил. Во всем красоту. В лица еще с детства вглядывался, как глаза расставлены, как черты лица составляются. Мне шесть лет, помню, было, я Петра Великого с черной гравюры срисовал. А красил от себя: мундир – синькой, а отвороты красным – брусничкой!» [2, 8].

В школу Васю отдали восьми лет – в Красноярское приходское училище. Проучившись два года, он перешел в уездное училище и там уже серьезно начал заниматься рисованием. Первым учителем В.И. Сурикова был Николай Васильевич Гребнев (1827–1877 гг.), который очень привязался к мальчику и, угадав в нем недюжинное дарование, передал ему все свои незатейливые знания: учил рисовать с натуры, копировать рисунки Рафаэля, Тициана.

По окончании уездного училища Василию Ивановичу пришлось поступить в канцелярию губернского управления на должность писца, т.к. внезапно умер отец и надо было прокормить мать, младших сестру и брата. Поселились они в старом доме в Красноярске (теперь в этом доме находится Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова), и потекла однообразная жизнь канцелярского чиновника. Но, рисовать Василий Иванович не бросил, втайне мечтая, что когда-нибудь он отдаст этому дорогому делу всю свою жизнь.

Однажды нарисовал он на полях деловой бумаги муху, да так живо и верно, что начальник канцелярии П.Н. Замятнин (1805–1879 гг.), пытавшийся смахнуть муху с листа, заинтересовался проделкой В.И. Сурикова, вызвал его к себе и, познакомившись, пригласил его давать уроки рисования своей дочери. Отсюда открылся для В.И. Сурикова путь к искусству. Позднее П.Н. Замятнин выхлопотал для В.И. Сурикова

разрешение учиться в Петербургской академии художеств. Но, денег на эту поездку и на жизнь в столице Суриковы не имели.

Средства на поездку и на содержание в первые годы учения молодому В.И. Сурикову предложил один из крупных сибирских золотопромышленников, некто П.И. Кузнецов (1818–1878 гг.), человек большой культуры. И вот молодой красноярец отправился в Петербург по великому сибирскому тракту на перекладных. Был ему тогда 21 год.

В феврале 1869 года В.И. Суриков приехал в столицу и поселился на углу Невского и Владимирского проспектов в гостинице: «Москва» [2, 10]. В апреле он держал экзамен в Академию, но провалился по рисованию гипсовых античных фигур. Пришлось еще целое лето готовиться упорно и серьезно в школе рисования. Осенью он блестяще сдал экзамен и начал посещать Академию. «Я ведь со страшной жаждностью к знаниям приехал. В Академии классов не пропускал. А на улицах всегда группировку людей наблюдал. Приду домой и сейчас зарисую, как они группируются в натуре. Ведь этого никогда не выдумаешь...», – вспоминал В.И. Суриков [2, 10].

В Академии В.И. Сурикова в шутку прозвали «композитором» за то, что он больше всего занимался композицией [2, 10]. Он рассказывал: «Я все естественность и красоту композиции изучал. Дома сам себе ставил и разрешал. Образцов никаких не признавал – все сам. А в живописи только колоритную сторону изучал. Павел Петрович Чистяков очень развивал меня. Я это еще и в Сибири любил, а здесь он мне указал путь истинного колорита» [2, 10]. Павел Петрович Чистяков (1832–1919 гг.) был любимым профессором В.И. Сурикова. П.П. Чистяков создал новую школу, новую систему воспитания художников, он был прекрасным педагогом, его окружали любовь и внимание учеников. П.П. Чистяков требовал, чтобы студенты, учась у великих мастеров профессиональному мастерству, всегда обращались к природе и к натуре, искали свои собственные пути к достижению цели, к умению находить в каждом явлении жизни и природы характерное, типическое, обобщенное.

Это П.П. Чистяков учил молодых художников задавать себе задачи и решать их, а не срисовывать все, что было перед глазами. Он заставлял учеников думать и размышлять. «Рисовать – это значит – соображать!» – говорил П.П. Чистяков [2, 11]. Василий Иванович любил отводить душу с Павлом Петровичем, а Павел Петрович один из первых оценил В.И. Сурикова. Так, он писал художнику В.Д. Поленову: «Есть здесь некто В.И. Суриков, довольно редкий экземпляр, пишет на первую золотую. В шапку даст со временем ближним. Я радуюсь за него» [2, 11]. Вся жизнь В.И. Суриков хранил с Павлом Петровичем самую тесную дружбу. В 1874 году В.И. Суриков окончил Академию художеств и получил малую золотую медаль за дипломную работу: «Милосердный самарянин» – картину на тему библейской легенды, герой, которой, – добрый житель Самарии – оказал помощь покинутому и ограбленному человеку [2, 12].

Сырой, нездоровый климат Петербурга плохо отразился на здоровье Василия Ивановича.

Он уехал в Сибирь, в минусинские степи, на кумыс. Окрепнув и подлечившись, он снова вернулся в Петербург. Теперь В.И. Сурикову надо было сделать еще одну конкурсную работу – на звание художника первого класса и на большую золотую медаль, которая давала право поехать от Академии художеств в командировку в Италию. Большая золотая медаль была присуждена В.И. Сурикову, но, как и трем другим лауреатам, медаль ему не дали, а в заграничной командировке отказали: в кассе Академии обнаружилась крупная растрата. Василию Ивановичу тогда предложили расписать фресками стены только что законченного в Москве храма Христа Спасителя. В.И. Суриков принял эту работу и уехал из Петербурга. С тех пор Василий Иванович обосновался в Москве.

Москва 1870-х годов прошлого столетия, с ее старыми площадями, улочками, церквями, колокольнями, монастырями, сразу создала для Василия Ивановича ту атмосферу, в которой быстро и успешно стало развиваться его историческое видение. Оно было у него так сильно, что, казалось, шло не от воображения, не от фантазии, а от жизни и природы, от живых людей. Он словно видел прошлое собственными глазами. В.И. Сурикова поразили храм Василия Блаженного, стены Кремля, и он так и говорил: «Стены я допрашивал, а не книги!» [2, 13]. Стены и памятники – это свидетели тех исторических событий, той народной трагедии, которую тогда задумал отразить в своем творчестве Василий Иванович. А задумана была первая большая картина – это «Утро стрелецкой казни», замысел, композиция и самые, кажется, краски, которой, были напитаны «сибирскими впечатлениями» (1881) [1, 40] (илл. 1).

В картине В.И. Суриков отразил трагедию народа в переломную историческую эпоху преобразования России [2, 13]. Он изобразил в своей работе не самую казнь, не кровавую расправу, а приготовление к казни. И это ожидание смерти гораздо сильнее и трагичнее, чем само зрелище казненных. Художник дает потрясающие, жизненно правдивые образы стрельцов, которые, каждый по-своему, ждут конца. Одни – в полном отчаянии, отупевшие от сознания приближающейся смерти, другие, как стрелец в цен-

тре картины, принимают свой смертный час по русскому обычаю, истово прощаясь с народом, кланяясь на все четыре стороны, а рыжий стрелец слева смотрит на Петра с ярой ненавистью. И столько в этом мужественном и злом бородастом лице бунтарской силы, что, видно, сама смерть ему не страшна, он презирает ее. Вот повели первого стрельца... Стрельчихи воют в голос, дети плачут, народ гудит, звонит погребальный колокол... Кафтаны стрельца размяты, лежат в грязи. На кафтане – погашенная свеча. Солдаты Преображенского полка тащат его под руки, сам он не дойдет к месту казни. И по склоненной голове преобразенца, по всему его облику ясно чувствуется, что он жалеет этого стрельца, тяжкая служба, которого, знакома и ему...

Прекрасно изображен в дымке серого, осеннего утра молодой царь на коне. Лицо царя полно такого напряжения воли, что, кажется, вот-вот поведет его на сторону судорогой, которая мучила Петра в тяжелые минуты жизни. Врагов России видит Петр в Стрельцах – и он непреклонен. Возле толпятся иностранцы, они глядят на приготовления к казни с соболезнованием чужаков. Картина производит необычайное впечатление: кажется, что изображена на ней огромная толпа народа. А, между тем, В.И. Суриков написал немногим более 50 фигур, если считать даже едва заметные. Секрет этого впечатлительного – в сложнейшей композиции, кажущейся, благодаря мастерству художника совершенно естественной. А краски! Сколько цветовых пятен – белые рубахи осужденных, горящие свечи, узоры платьев, платки, мундиры, купола Василия Блаженного – все это так сгармонировано, что не нарушает скорбной торжественности драматического события.

Над этим полотном Василий Иванович работал три года. Он выискивал типы стрельцов и стрельчих, типы преобразенских солдат и лица, характерные для толпы петровского времени, детально изучал покрой одежды, обувь, цветные узоры тканей. На рынках Москвы высматривал телеги, расписанные дуги, зарисовывал колеса, оглобли. Ко всем деталям относился Василий Иванович со вниманием, все наблюдал серьезно. Заметил, что сквозь грязь, залепившую колеса крестьянской телеги, блестит синеватым отблеском железный обод – и в этом увидел подлинную красоту и это не упустил.

Картина была закончена в 1881 году и выставлена на 9-ой передвижной выставке. Она сразу получила признание и была приобретена крупнейшим коллекционером Павлом Михайловичем Третьяковым (1832–1898 гг.) для его галереи. А Василий Иванович был приглашен в члены «Товарищества передвижных художественных выставок» – объединение передовых художников того времени [2, 19].

В следующем году В.И. Суриков начал вторую большую работу – это: «Меншиков в Березове» (1883) [2, 19] (илл. 2).

Илл. 1. В.И. Суриков. «Утро стрелецкой казни». 1881 г. Х., м., 218,0 X 379,0 см // Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Вторая знаменитая картина – сибирская не только по географии сюжета, но и по тому, что и самая тема, и живописное ее воплощение навеяны художнику Сибирью. Ее композиция родилась в дождливое, холодное лето 1881 года, когда В.И. Суриков с женой и двумя маленькими дочками проводил скучные дни на даче под Москвой, в Перерве. Маленькая комнатка, тесно. Беспросветная сетка дождя за окном. Выйти некуда, только читай, да размышляй.

И вот тут художник представил себя, погруженного в горестные размышления человека, когда-то деятельного и энергичного, а теперь, осужденного на бездействие и позорную жизнь, лишено неограниченной власти и несметных богатств, страдающего за судьбу своих дел и своих детей. Рядом – сын в грустном оцепенении, у ног отца – старшая дочь, бывшая царская невеста, печальные глаза, которой, выражают весь ужас ее судьбы, за столом – младшая дочь, читающая евангелие... Положение безвыходно, привыкшая повелевать рука отца, сжатая в кулак, уже бессильна...

В.И. Суриков изобразил последние дни могущественного вельможи, а выразил всю его жизнь, рассказал о целой эпохе. Насыщенные краски картины, ее сдержанный колорит и цельная композиция прекрасно передают трагическую напряженность обстановки. Долго искал Василий Иванович своего Меншикова. Бродя по улицам Москвы, вглядывался в лица. И вот – наконец-то! Нашел тот тип, какой был нужен. Сам В.И. Суриков рассказывал об этом М.А. Волошину: «По Пречистенскому бульвару идет. Вижу – Меншиков. Я – за ним. Квартиру запомнить. Учителем был математики Первой гимназии. В отставке. В первый раз не пустил меня совсем. Во второй раз впустил, позволил рисовать. На антресолях у него писал. В халате. Перстень у него на руке был. Небритый – совсем Меншиков!...» [2, 21]. Выставленную на 11-ой передвижной выставке картину: «Меншиков в Березове» так же, как и первую картину В.И. Сурикова, приобрел П.М.Третьяков [2, 21].

«Боярыня Морозова» (1887) была задумана Василием Ивановичем раньше этих больших произведений, но приступил он к работе над ней только в 1884 году, так долго он вынашивал ее в своем сознании и зрительном ощущении [2, 22] (илл. 3).

Павел Петрович Чистяков в письме к Павлу Михайловичу Третьякову характеризовал эту картину: «А мне так очень нравится картина В.И. Сурикова: «Боярыня Морозова». Она очень верно и сильно выражает собою нашу матушку-Русь, и прошлую, да и теперешнюю» [2, 22]. В.И. Суриков изобразил Морозову в тот момент, когда ее, пойманную и закованную, повезли в заточенье, и она, высоко подняв руку, призывает народ стоять за настоящую веру. Мужественная и непреклонная Морозова – в центре картины, справа от нее – ее последователи, к ним

Илл. 2. В.И. Суриков. «Меншиков в Березове». 1883 г. Х, м., 169,0 X 204,0 см // Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

она обращает свое страстное слово, слева – бояре и попы – «никонианцы» [2, 24]. Они смеются, издеваются, торжествуя победу: бунтарку везут на допрос в Кремль. Живой оттуда ее не выпустят!

Работая над картиной, Василий Иванович искал людские типы для нее в окружающей жизни. Он часто ходил на Преображенское кладбище, где в те времена был раскольниковый скит. «В Преображенском все меня знали, – рассказывал он М.А. Волошину, – даже старушки мне себя рисовать позволяли и девушки начетчицы. Девушку в толпе это я со Сперанской писал – она тогда в монашки готовилась. А те, что кланяются – все старообрядочки с Преображенского» [2, 24]. Трудно было найти тип боярыни Морозовой, поэтому В.И. Суриков сначала писал толпу. Но, это еще больше осложняло задачу: «Я на картине сперва толпу написал, а ее – после. И как не напишу ее лицо – толпа бьет! Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал. Все мелко было. В толпе терялось» [2, 40].

И все же нашел ее Василий Иванович, на том же Преображенском. Приехала туда с Урала начетчица Анастасия Михайловна, и за два часа написал В.И. Суриков с нее этюд (илл. 4).

Илл. 3. В.И. Суриков. «Боярыня Морозова». 1887 г. Х, м., 304,0 X 587,5 см // Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Илл. 4. В.И. Суриков. «Голова боярыни Морозовой. Этюд». 1886 г. Х., м., 32,5 X 26,8 см // Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Тот самый, который висит теперь в Государственной Третьяковской галерее. «Как вставил в картину ее – она всех победила. «Персты рук твоих тонкостны, а очи молниеносны. Кидаешься ты на врагов, как лев!» [2, 40]. Это протопоп Аввакум сказал про Морозову и больше про нее ничего нет...» – рассказывал Василий Иванович М.А. Волошину [2, 40].

Юродивого отыскал В.И. Суриков на толкучке в Москве. Юродивый там торговал огурцами.

Илл. 5. В.И. Суриков. «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом». 1888 г. Х., м., 162,0 X 107,0 см // Собрание Московской православной духовной академии (г. Сергиев-Посад)

«Вижу – он! Такой вот череп у таких людей бывает. Я говорю – идем! Еле уговорил его. Идет он за мной, все через тумбы перескакивает... Я оглядываюсь, а он качает головой – ничего, мол, не обману. В начале зимы было. Снег талый. Я его на снегу так и писал. Водки ему дал, водкой ноги натер. Алкоголики ведь они. Он в одной холщовой рубаше босиком на снегу сидел. Ноги у него даже посинели», – вспоминал Василий Иванович [2, 41].

Мелкие детали картины тоже были найдены и написаны с натуры. «Помните посох-то, что у странника в руках. Это богомолка одна проходила с этим посохом. Я схватил акварель, да за ней. А она уже отошла. Кричу ей: «Бабушка! Бабушка! Дай посох! Она и посох-то бросила – думала разбойник я...» [2, 41]. Очень сильно и верно в картине передано ощущение движения. И лошадь идет, и сани не стоят. Кажется, слышишь скрип полозьев, за которыми в рыхлом снегу остается глубокий след. Художником замечательно увидено и выражено ощущение живой природы: влажный зимний день, снег на крышах теремов, пар от дыхания людей...

В Красноярск В.И. Суриков приехал в 1888 году, после поразившей его катастрофы – смерти молодой жены – Елизаветы Августовны. Потрясение художника разразилось настоящей бурей. В припадке слепой ненависти ко всему, что напоминало о прошлом, В.И. Суриков сжег мебель, книги, забрал детей и уехал с ними в родной Красноярск, чтобы не видеть больше Москвы, где все напоминало о прошлом и травило глубокую сердечную рану. В Сибири В.И. Суриков неожиданно повергся в религиозное настроение: усердно читал священные книги, главным образом, Библию, и начал писать картину на религиозную тему: «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» (1888) [1, 28] (илл. 5).

«Встряхнулся, – вспоминал он впоследствии об этом перевороте, – и тогда от драм к большой жизнерадостности перешел» [1, 30]. Эти вернувшиеся силы и здоровье, почерпнутые из сибирских истоков личности и творчества, заставили художника за работу, противоположную по сюжету не только предшествовавшей религиозной картине, но и его историческим полотнам. Картина: «Взятие снежного городка в Сибири» (1891) замечательна не только по своим чисто живописным достоинствам, но и потому, что она убедительно показывает, что значила Сибирь для творчества и для личности В.И. Сурикова [1, 26] (илл. 6).

Сюжет этой картины, начатой в Красноярске в 1890 году, непосредственно запечатлевает то, что видывал в Красноярске В.И. Суриков – отрок и юноша. – «Вот на том берегу я в первый раз видел, как «Городок» брали, – рассказывал он М.А. Волошину. – Мы от Торгощиных ехали. Толпа была. Городок снежный – и конь черный прямо мимо меня проскочил, помню, это верно он-то у меня в картине и остался. Я потом много городков снежных видел. По обе стороны народ стоит, посередине снежная стена. Лошадей от нее отпугивают криками и хворостинами бьют – чей конь первый сквозь снег прорвется.

А потом приходят люди, что городок делали, денег просить: художники ведь. Там они

и пушки ледяные, и зубцы – все сделают» [1, 26]. Все виденное в детстве перешло на картину. Мужчину в санях В.И. Суриков писал со своего брата, женщину – с молоденькой красноярской попадьи; все другие лица на этой картине, дуги, сани, снег, пейзаж – все красноярское; даже конь получил и свою масть, и свою форму – те самые, которые запомнились с детства. Таким образом, только однажды В.И. Суриков непосредственно, не перенося в историю, запечатлел ту неумную и крепкую красноярскую жизнь, которую он знал и любил, – это в картине: «Взятие снежного городка в Сибири» [1, 26].

Илл. 6. В.И. Суриков. «Взятие снежного городка в Сибири». 1891 г. Х., м., 156,0 X 282,0 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Живя в Сибири в 1888–1890-х гг., В.И. Суриков, кроме «Взятия снежного городка», написал ряд портретов сибиряков – дяди своего И.А. Торгошина, К.М. Верхотуровой, своей двоюродной племянницы Доможиловой, Екатерины Александровны Рачковской, – портрет, в котором художник видел нечто большее, чем портрет частного лица: он дал ему особое название: «Сибирская красавица» (Государственная Третьяковская галерея) (1891) [1, 49] (илл. 7).

В 1891–1894 годах из летних поездок по Сибири В.И. Суриков вывез многие десятки этюдов к «Покорению Сибири Ермаком» (1895), которые сами по себе являются целой галереей портретов сибиряков (крестьян, казаков, горожан, туземцев и т.д.) и видов различных мест Сибири [1, 49] (илл. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14).

Конец 1890-х годов В.И. Суриков посвятил работе над большим историческим полотном – это «Переход Суворова через Альпы в 1779 году» (1899) [1, 49] (илл. 15).

Тема картины требовала Альп, а не Сибири: Суворов и его солдаты как будто были очень далеки от предшествовавшего им Ермака и казаков. Однако, и эта картина все-таки потребовала Сибири, а не только Швейцарии. В 1898 году В.И. Суриков совершил поездку на родину и там, у себя в Красноярске, писал с красноярцев солдат Суворова. Привычка к «казакам» была так велика, что в угоду ей и вопреки формальной правде истории В.И. Суриков перемещал на картине суворовских гвардейцев с казаками: без казаков, наследников Сибирской вольницы, с одними солдатами, все казалось беднее и бескрасочнее [1, 50]. В.И. Суриков неизменно в Сибири продолжал находить живописный ключ к своим художественно-историческим задачам: русская история, как бы ни была она мало или вовсе не связана с Сибирью, для В.И. Сурикова отпиралась всегда сибирским ключом.

Под одним из этюдов 1898 г. – «Старик, синий ворот рубахи, темно-серый кафтан» мы читаем: «В. Суриков. Красноярск» [1, 50]. С этого «старика» – краснояра художник написал лицо Суворова [1, 50]. «Суворов у меня с одного казачьего офицера написан. Он и теперь (1913 г.) жив еще, ему под 90 лет» [1, 50]. Но, у этой картины есть

Илл. 7. В.И. Суриков. «Сибирская красавица (Портрет Е.А. Рачковской)». 1891 г. Х., м., 50,0 X 39,0 см // Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Илл. 8. В.И. Суриков. «Иртыш». 1892 г. Х., м., 33,0 X 25,9 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 9. В.И. Суриков. «Казак в лодке». Х., м.,
65,5 X 99,0 см // Государственный Русский музей
(г. Санкт-Петербург)

Илл. 10. В.И. Суриков.
«Стреляющий казак». Х., м.,
32,5 X 23,3 см // Государственный
Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 11. В.И. Суриков. «Донской
казак Ржидин». Х., м., 32,0 X 24,0 см //
Государственный Русский музей
(г. Санкт-Петербург)

Илл. 12. В.И. Суриков. «В лодке».
Х., м., 26,0 X 33,5 см //
Государственный Русский музей
(г. Санкт-Петербург)

Илл. 13. В.И. Суриков. «Головы татар (старика
и молодого)». 1893 г. Х., м., 20,7 X 29,7 см //
Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

и иная, так сказать, зародышная связь с Сибирью. «В картине, главное, – это движение», – говорил сам В.И. Суриков, – храбрость беззаветная, покорные слову полководца, идут – вернее, стремительно катятся вниз по ледяным отвесам Альпийских гор [1, 50]. Это «движение» – основу композиции – В.И. Суриков сам искал в Альпах, изучая движение, катящихся с гор людей: «верхние тихо едут, средние поскорее, а нижние совсем летят вниз. Эту гамму выискать надо было. Около Интерлакена сам по снегу скатывался с гор, проверяя. Сперва тихо едешь, под ногами снег кучами сгребается. Потом – прямо летишь, дух перехватывает» [1, 50]. Так рассказывал В.И. Суриков М.А. Волошину в 1913 году. Таким образом, исток и этой картины, столь далекой от Сибири, оказался сибирским.

Лето 1899 года В.И. Суриков провел на родине: как всегда, рисовал в альбом людей и природу,

Илл. 14. В.И. Суриков. «Покорение Сибири Ермаком». 1895 г. Х, м., 285,0 X 599,0 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

и думал над «Степаном Разиным» (1906), первый акварельный эскиз которого был сделан еще в 1887 году и послужил отчасти для «Покорения Сибири Ермаком» [1, 52]. В 1901 году В.И. Суриков поехал за этюдами к «Разину» на Волгу, но в следующем году ему не хватило одной Волги, а понадобилась и Сибирь: он писал этюды для «Разина» в Красноярске [1, 52] (илл. 16, 17, 18).

В 1903 году он опять поехал в Красноярск за этюдами для этой трудно, дававшейся ему картины, и там же написал вторую свою «Сибирячку» – портрет женщины с распущенными волосами, смотрящейся в ручное зеркало; портрет, очень интересный и новый по живописи (1909) [1, 52] (илл. 19).

В 1907 году «Степан Разин», наконец-то, появился на передвижной выставке [1, 52]. Но, художник выставлял картину, скрепя сердце: в «Разине» не было Разина: все поиски лица атамана – с бородой, с усами, безбородого, основанные на многих этюдах, не удовлетворяли художника, и центральную фигуру картины он считал неудавшейся, а без нее не было и самой картины [1, 53]. Недовольство это возросло до того, что В.И. Суриков взял «Разина» с выставки и принялся вновь его искать [1, 53]. Поиски 1907 и 1908 годов в Москве также ни к чему не привели. Тогда В.И. Суриков решил прибегнуть к старому испытанному средству: летом 1909 года он уехал в Сибирь и необыкновенно много там работал.

Он писал пейзажи – минусинские и красноярские горы и степи, писал русских и туземцев (например, портрет «Калмычки», бывший на выставке в Третьяковской галерее в Москве, в 1927 году), делал в Минусинске первые этюды к картине: «Княгиня Ольга встречает тело Игоря» (1915), а главное, внутренне сам решив, что провалился с «Разиным» в Москве, усиленно готовился к переэкзаменовке в Сибири [1, 53] (илл. 20).

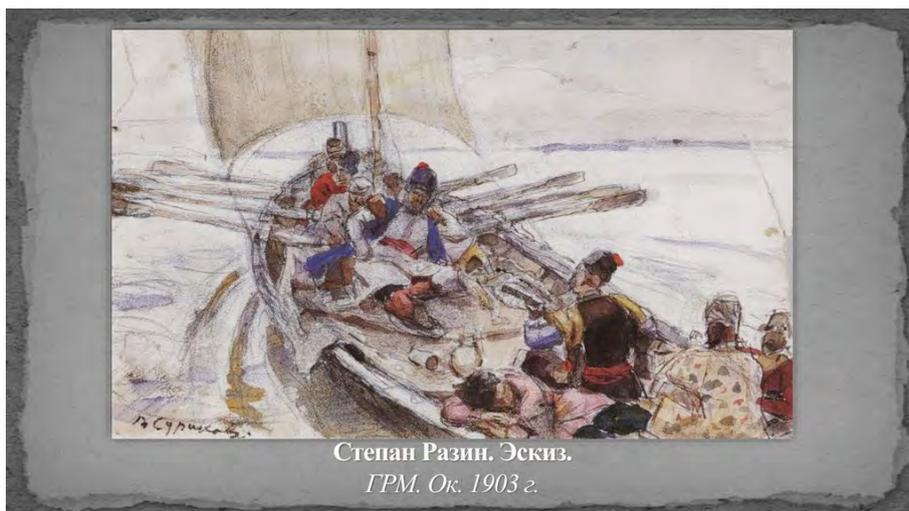
Он вновь упорно искал самого Разина среди сибиряков, давших ему Ермака и Суворова. И, как всегда, Сибирь не обманула его. 28 декабря 1909 года он писал из Москвы: «Относительно «Разина» скажу, что я над той же картиной работаю. Усиливаю тип Ра-

Илл. 15. В.И. Суриков. «Переход Суворова через Альпы в 1799 году». 1899 г. Х, м., 495,0 X 373,0 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 16. В.И. Суриков. «Степан Разин. Эскиз композиции». Около 1903 г. Бумага, акварель, черный карандаш, 18,2 X 28,0 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Степан Разин. Эскиз.
ГРМ. Ок. 1903 г.

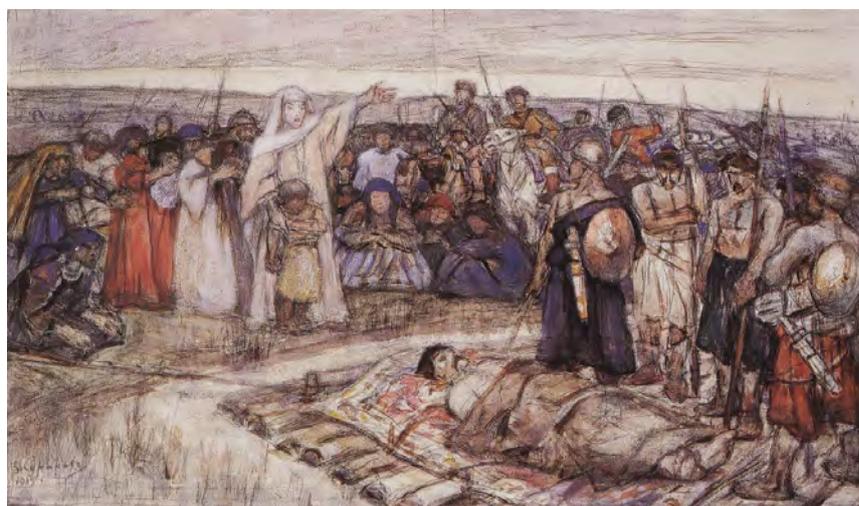
Илл. 17. В.И. Суриков. «Степан Разин. Эскиз композиции». Бумага, акварель, итальянский карандаш, 17,1 X 26,7 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 18. В.И. Суриков. «Степан Разин». 1906 г. Частично переписана в 1910 году. Х., м., 318,0 X 600,0 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 19. В.И. Суриков. «Сибирячка». 1909 г. Х., м., 88,8 X 77,5 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

Илл. 20. В.И. Суриков. «Княгиня Ольга встречает тело Игоря». Эскиз неосуществленной картины. 1915 г. Бумага, гуашь, акварель, итальянский карандаш, 41,2 X 65,9 см // Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)

зина. Я ездил в Сибирь на родину и там нашел осуществление мечты о нем» [6, 280-281].

В 1914 году В.И. Суриков совершил последнюю поездку на родину, из которой вывез несколько акварелей, кровно связанных с Сибирью. В 1914 же году В.И. Суриков работал над композицией последнего своего исторического замысла: «Княгиня Ольга встречает тело Игоря» [1, 53]. По мнению В.А. Никольского: «Живописный остов будущей картины уже найден и запечатлен в этюде, сидящих на земле минусинских татарок» [5, 60]. Так, до самой смерти В.И. Сурикова в 1916 году творческая его работа неразрывно и плодотворно была связана с Сибирью.

Таким образом, Сибирь, не зная крепостного рабства, с детства окружила В.И. Сурикова людьми с сильной волей, с мужественным духом, с природным вольнолюбием, – этим самым она натолкнула художника и в русской истории находить такие сюжеты, в которых обнаруживалось не народное смирение, покорность и придавленность, а крепкая борьба («Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове»), социальный протест («Утро стрелецкой казни», «Степан Разин», «Пугачев»), героическое коллективное мужество («Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы») [1, 12].

Список литературы:

1. Дурьлин С.Н. Сибирь в творчестве В.И. Сурикова. М.: «Художественное издательское акционерное общество АХР», 1930. 60 с.
2. Кончаловская Н.П. Сын земли Сибирской. М.: Изд-во «Знание», 1961. 61 с.
3. Ломанова Т.М. Красноярск и Сибирь в творчестве Василия Сурикова. Красноярск: ООО «Поликор», 2013. 143 с.
4. Машковцев Н.Г. Тематика Сурикова // Выставка художественных произведений В.И. Сурикова, 1848–1916 / Государственная Третьяковская галерея. М.: Издание Государственной Третьяковской галереи, 1927. С. 19-26.
5. Никольский В.А. В.И. Суриков. Критико-биографический очерк. П.: Изд-во: «Брокгауз-Ефрон», 1923. 116 с.
6. Никольский В.А. Письма В.И. Сурикова // Искусство. – 1925. – № 2. – С. 272-283.
7. Резвых Т.А. Этюды для картины В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» в собрании Красноярского художественного музея // Великая Сибирь. Вехи истории. Альбом-каталог / Государственный исторический музей; Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2014. С. 53-59.
8. Суриков В.И. Из собрания Государственной Третьяковской галереи / Авт.-сост. А.Л. Большакова. М.: Изд-во «Изобразительное искусство», 1985. 48 с.
9. Суриков и Сибирь. Альбом / Авт. текста Е.Ю. Безызвестных. Красноярск: Изд-во Красноярского отделения ассоциации «Русская энциклопедия», 1995. 127 с.

Filippova O.N.

Association of Art Historians (Moscow)

SIBERIA IN THE CREATIVE WORK OF V.I. SURIKOV (1848–1916)

Summary

The creative work of Vasily Ivanovich Surikov (1848–1916) is one of the most prominent place in Russian painting. Historical paintings: "Morning of Strelets 'execution" (1881), "Menshikov in Berezovo" (1883), "Boyarynya Morozova" (1887), "the Capture of snow town in Siberia" (1891), "the Conquest of Siberia by Yermak" (1895), "Suvorov crossing the Alps" (1899), "Stepan Razin" (1906), "the Visit of the Princess convent" (1912) shook the art world, gave a new view in understanding the history and fate of Russia. The great importance of V.I. Surikov as a historical painter, his great mission in the development of the historical genre can not be overestimated, as well as a bright, figurative portrait gallery of his contemporaries. Probably, Russia would not have known The great historical painter V.I. Surikov, if not for his Siberian origin and the sources of his work coming from here. Siberian roots played a huge role in the formation of the artist's artistic vision, in the education of his worldview, psychology, creative orientation. **Keywords:** the creative work of V.I. Surikov, Siberia, drawing from nature, copying drawings, murals, traveling exhibitions, large historical paintings, watercolor sketch, sketches, portraits of Siberians, landscapes.